

© 2021

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

ЭВОЛЮЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ РАЗЛИЧИЕ?

Статья посвящена сопоставлению фундаментальных понятий эволюции и устойчивого развития. С критических позиций оцениваются сохраняющиеся представления о социальной и, в частности, экономической эволюции. Автор полагает, что на основе признанного интегративного видения проблемы устойчивости, целесообразно распространение этой концепции на весь процесс трансформации общества как социальной системы. Раскрываются фундаментальные свойства устойчивой общесоциальной системной трансформации. Как следует из исследования, в настоящий период ее осуществление будет в большой степени связано с неэволюционными переменами. Заключительный вывод касается субстанционального различия между устойчивой и предпочтительной эволюционной траекториями общесоциальной трансформации в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: эволюция, устойчивость, сопротивляемость, корпоративный бизнес, экосистемный бизнес, государство.

DOI: 10.31857/S020736760017256-0

Введение: парадигмы эволюции и устойчивого развития. До сих пор проблема эволюции остается в центре внимания социальных исследователей. Как известно, в прошлом длительное время в научном мире общая теория социальной эволюции, с учетом ее разнообразных модификаций, занимала лидирующую позицию. Эта теория оказала огромное позитивное влияние на многие направления исследований, предопределив их ориентацию на поиск пути к общесоциальному прогрессу.

Однако применительно к динамичной современной эпохе, объективно характеризваемой многосторонними, разнонаправленными и нередко «разноназовыми» переменами, эта ортодоксальная теория утратила необходимую меру реалистичности. То же, очевидно, касается ее марксистской версии (так называемого исторического материализма). Убедительная аргументация в пользу такого заключения представлена в признанных трудах Энтони Гидденса [1, 2].

По-видимому, за последнее время наиболее серьезная попытка обновления теоретической парадигмы эволюции связана с появлением широко известной концепции институционального эволюционизма. Ее адепты обычно делают акцент на широких возможностях эволюционной адаптации контрактных и других институтов на основе постоянного увеличения их разнообразия к изменяющимся и формирующимся новым общественным

предпочтениям (например, [3]). Но, к сожалению, реально не приходится рассчитывать на само приближение сложившихся траекторий институциональных изменений к траекториям, соответствующим желаемым порядковым изменениям на основных полях социальных действий. Такая метаморфоза предполагает целенаправленные действия определенных субъектов (акторов), включая государственные агентства, в ходе осуществления потребных реформ, которые весьма далеки от заведомо постепенных во времени и пространстве.

Как следует из огромного числа конкретных исследований (в числе антропологических), теория биологической эволюции Дарвина непосредственно соотносится только с некоторыми локальными социальными практиками, в частности, с ведением традиционного домашнего хозяйства. Это вполне объяснимо. В биологическом мире не существует больших объединений и тем более, особых коалиций особей, есть только отдельные стада. Нет государств и национальных (наднациональных) элит, партий, мафий и спецслужб — атрибутов существующего социального мира. Сам жизненный цикл деятельности значимых социальных субъектов не может быть разложен на простейшие составляющие, подобные жизненному циклу существования тех или иных групп биологических особей.

Отдельный вопрос представляет освещение проблемы эволюционного развития в экономической науке. Целесообразность обращения к идее естественного отбора применительно к рыночной среде определенно доказана временем [4, 5]. Однако гипотеза о факторе рыночного отбора как исключительном детерминанте экономического развития не оказалась верифицируемой, по крайней мере, в силу трех очень весомых причин. Во-первых, действия фактора силы, обусловленного внеэкономическими преимуществами одних рыночных агентов над другими. Во-вторых, в значительной степени автономных технологических перемен. В-третьих, нестационарных, нередко просто шоковых, демографических изменений во многих странах и связанных с ними миграционных процессов в национальном, региональном и глобальном масштабах. Особенно эти факторы усилились в преддверии и после мирового кризиса 2007—2009 гг. Тем самым прикладные аналитические модели эволюции рыночных секторов стали просто не адекватны реалиям. И можно заключить, что теория эволюционного экономического детерминизма, непосредственно опирающаяся на известнейшее фундаментальное исследование Нельсона и Уинтера [6], к настоящему времени стала достоянием истории.

Наконец, нельзя обойти вниманием широко популярную концепцию «экосистемного» («экоиндустриального») бизнеса [7—10], определенно исходящую из парадигмы биологической эволюции по Дарвину. В основе этой концепции лежит гипотеза равноправного эффективного сотрудничества производителей, потребителей, поставщиков и других агентов в рамках определенной экосистемы, подобной объединению биологических особей. И, наверное, можно согласиться

с тем, что реально существующие бизнес-сети, относимые к экосистемным, развиваются на основе самоорганизации и совместной эволюции [11]. Вместе с тем достаточно очевидны рыночные барьеры на пути становления современных сетей «экосистемного» бизнеса (ESB), возникших как бы вокруг цифровых платформ. Эти барьеры обусловлены наличием весомых ресурсных ограничений и широко известным иждивенческим поведением многих агентов ESB, следующих за лидерами [12]. Указанный сектор по своему рыночному потенциалу значительно уступает крупному корпоративному бизнесу, лидирующее положение которого не подлежит сомнению.

В добавление к сказанному, уместно акцентировать внимание на распространенной упрощенной интерпретации понятия эволюции в исследованиях, касающихся крайне разнообразных проблем развития экономики и общества. По существу, эволюция отождествляется с нормальным, не кризисным долгосрочным развитием. Все заведомо неэволюционные перемены рассматриваются в качестве спорадических «мутаций», нейтрализация которых призвана осуществляться в процессе рутинной регуляции со стороны государственных и других агентств. Исходя из такого экстремально утилитарного подхода, устоявшиеся инерционные тренды экономического и социального развития выступают эталонами эволюции. Стоит заметить, что одним из проявлений упрощенной трактовки эволюции как универсального типа развития выступает апологетическое обоснование дальнейшего общественного прогресса на основе отжившего капитализма прошлого века с его неприемлемыми институциональными изъянами.

Однозначной альтернативой распространенным упрощенным представлениям об эволюционном социальном развитии выступает рамочная концепция интегративного устойчивого развития, зафиксированная в принятой ООН «Повестке-2030». В соответствии с ней будущая трансформация общества призвана быть направлена на достижение целей и целевых ориентиров (SDG). По существу, для достижения SDG требуется поворот в сторону устойчивого прогресса общества, характеризуемого экономическими, политическими, статусными, экологическими, климатическими и другими количественными и качественными фундаментальными трансформационными сдвигами [13]. Они предполагают перелом ранее сложившихся трансформационных траекторий за счет адекватных по глубине и масштабам действий социальных акторов. Достаточно сказать о грандиозных потребных сдвигах для преодоления климатической угрозы, как и угрозы пандемий наподобие Ковид-19. Определенно, такого рода метаморфозы не согласуются с традиционными стереотипами соответственно эволюционной парадигме.

Исходя из признанного интегративного видения проблемы устойчивости (sustainability), целесообразно распространение этого понятия на весь процесс трансформации общества как социальной системы. Очевидно, адекватное

понимание этого феномена несовместимо с широко распространенным жаргонным употреблением термина «устойчивый» как обиходного выражения, относимого к любым стабильным временным и пространственным процессам.

Попробуем хотя бы в первом приближении ответить на вопрос, поставленный в заголовке. С этой целью в последующих частях статьи раскрываются фундаментальные свойства устойчивой общесоциальной трансформации и роль основных субъектов в ее обеспечении. Дискуссионные вопросы затрагиваются в последней части. В итоге сформулирован заключительный вывод, касающийся субстанционального различия между устойчивой и предпочтительной эволюционным траекториями общесоциальной трансформации.

Устойчивая общесоциальная трансформация: системный взгляд. С реформистских позиций имманентная черта желаемого развития общества состоит в его всеобщем прогрессе, который может быть определен как устойчиво поддерживаемый (sustainable). Он характеризуется экономическими, политическими, статусными, экологическими, климатическими и другими количественными и качественными параметрами, которые полагаются устойчивыми в соответствии с принятыми представлениями о ходе развития общества как социальной системы.

Исходя из сказанного, вполне логично обращение к идее универсальной, или системной, устойчивости, присущей в той или иной мере всем социальным практикам, а не только тем, что опосредствуют взаимоотношения общества и его окружающей среды [14, 15]. Основанный на этой идее концептуальный подход позволяет в полной мере охватить в целом взаимосвязанные процессы устойчиво воспроизводимых изменений в обществе. Такой подход, уместно отметить, согласуется с конкретными интегративными исследованиями устойчивого развития по его основным взаимосвязанным областям в наступившую эпоху цифровизации [16–19]. Также в русло универсального представления sustainability вполне вписываются хорошо известные исследования социально-экологических систем (SES). Можно утверждать, что формирование рамочной концепции SES позволило перекинуть мост между биофизическими и социальными научными исследованиями [20–22]. Более того, методология, основанная на этой концепции, достаточно давно и успешно используется в технологии экологического проектирования. Однако, область ее применения представляется заведомо ограниченной, поскольку в большинстве случаев успешное функционирование SES возможно при внешних благоприятных условиях — рыночных (финансовых) и прочих.

Правомерно сформулировать два объединяющих и взаимозависимых критериальных условия устойчивого воспроизводства в рамках всей социальной системы.

Первое из этих условий состоит в устойчиво поддерживаемом, по существу, рациональном производстве и потреблении существующих основных ресурсов — материальных и нематериальных, человеческих и, конечно, природных, исходя из признанных целевых ориентиров устойчивого развития (SDG) в соответствии с «Повесткой-2030». В дополнение к этому, в дальнейшем станет целесообразным инкорпорирование новых целевых ориентиров, предопределяющих траектории устойчивого воспроизводства и потребления структурообразующих ресурсов в их обновленном составе. Соответственно, расширится состав индикаторов реализации «Повестки-2030», представляющих оценки степени близости производства и потребления ресурсов к SDG [23, 24].

Второе условие касается устойчиво воспроизводимых аллокации и распределения доходов на макроуровне и других уровнях системной иерархии в соответствии с существующими критериями прогресса. Применительно к экономическому полю это означает долговременную пространственную и временную нормальность (сбалансированность) основных ресурсных, материальных и финансовых пропорций выпуска в процессе устойчивого прогрессивного развития. То же касается пропорций распределения, в том числе в отношении внутреннего и внешнего миграционных потоков.

Правда, необходимо признать, что в полной мере обозначенные условия системной устойчивости не могут быть соблюдены в случае сохранения факторов глобальной нестабильности далеко за границами экономического поля. Достаточно указать на наиболее информационно резонансные факторы: по-прежнему грандиозное дестабилизирующее влияние задолженности США на все мировое развитие и распространение биткоина как мировой валюты. Кроме того, в качестве фундаментального институционального фактора, нарушающего системную устойчивость, бесспорно выступает функционирование так называемой рыночно фундаментальной (market-based) финансовой системы в США, Соединенном Королевстве и некоторых других странах, индуцирующее спекулятивный финансовый оборот. Также весомое институциональное препятствие к установлению долговременного стабильного мирового порядка заключается в отсутствии давно назревшего реформирования мировой валютной системы.

В целом критериальные условия универсальной устойчивости призваны предопределять выбор дальнейших траекторий общесоциальной трансформации. Она может быть названа устойчивой общесоциальной трансформацией (SOST).

Проектирование SOST предполагает адекватное позиционирование во времени и пространстве потребных ресурсных, институциональных и организационно-поведенческих сдвигов с учетом влияния внешних экзогенных факторов (технологических, демографических и климатических перемен) и взаимодействий на «смежных» полях социальных

действий. Наряду с этим, среди возможных альтернатив необходим выбор трансформационных траекторий, исходя из условия адаптации или сопротивления к заведомо неустойчивым изменениям [25, 26]. Они включают экзогенные технологические, демографические и климатические изменения, циклические и прочие рыночные флуктуации, спорадические политические пертурбации и многообразные социальные конфликты. Проблема нейтрализации влияния нестабильности в будущем признается центральной в ходе принятия стратегических решений и реализации регулирующих механизмов с участием конкретных субъектов [27].

Критически значимый вопрос заключается в обеспечении эластичной адаптации к новым технологиям во всей обозримой перспективе [28]. Как свидетельствуют многочисленные факты, последствия новой автоматизации, роботизации и применения технологий, базирующихся на искусственном интеллекте, в настоящее время в полной мере проявляются на рынках труда. Происходит резкое сокращение человеческого труда по различным направлениям рутинной деятельности при порядковом увеличении численности высококвалифицированного персонала нового времени, отличающегося интеллектуальными способностями самостоятельного анализа, критическим мышлением и навыками неформального решения конкретных задач.

Судьбоносная проблема занятости в условиях ускоряющейся автоматизации и цифровизации абсолютно неразрешима только на рыночной основе. Для обеспечения системной устойчивости безальтернативна необходимость создания финансовых и других условий для кардинального прироста занятости в социальных секторах в период, наступающий после пандемии Ковид-19, где появятся широкие возможности для использования технологических инноваций в качестве сугубо социальных благ. Сказанное особенно касается таких секторов, как образование, здравоохранение и местная социальная работа. Также огромен потенциал роста работающих, в том числе интеллектуалов, в нерыночном экологическом секторе, охватывающем множество разнообразных видов деятельности.

Какой вывод можно сделать из всего сказанного?

Поворот к устойчивой трансформации общества как социальной системы предполагает выполнение условий устойчивого воспроизводства при одновременной адекватной адаптации к драйверам возможных неустойчивых перемен посредством целенаправленных действий субъектов регуляции. Процесс трансформации социальной системы, характеризуемый свойством такого рода адаптации, может включать в себя инкрементальные и дискретные, равномерные и неравномерные перемены, далеко отличные от изменений эволюционного типа в его принятом понимании. В этом заключается принципиальное различие между представляемой концептуальной моделью устойчивой общесоциальной трансформации и упомянутой теоретико-эволюционной концепцией социального развития.

Устойчивая общесоциальная трансформация: ключевые акторы. Их деятельность, связанная с неэволюционными переменами. До настоящего времени в огромном числе массовых изданий в самых разных странах, как и в учебных курсах, миссия в достижении целей и задач устойчивого развития — SDG — безоговорочно отводится корпоративному бизнесу. Такая точка зрения объективно отражает произошедший глубокий сдвиг в деятельности крупных корпораций в сторону признания императивов устойчивого развития и необходимости адаптации к импульсам неустойчивых изменений. Достаточно обратиться к публичным отчетам по устойчивому развитию хорошо известных в мире компаний за последние годы [29].

В то же время, пропагандируемые представления о чудодейственной роли крупного бизнеса в достижении SDG, исходя из принципов корпоративной социальной ответственности и новой корпоративной культуры, вызывают однозначное отторжение. Так, судя по реальному опыту (в частности, в России), благотворительную деятельность на поприще УР крупного бизнеса отличают заведомо ограниченные масштабы. Кардинальное увеличение этих масштабов просто противоречит целям максимизации финансовых результатов и улучшения/сохранения конкурентных позиций, остающихся главными для успешных современных корпораций.

Исследователи справедливо обращают внимание на достойный вклад существующего малого и среднего предпринимательства (SME) в достижение устойчивого прогресса. Об этом, например, свидетельствует выбор потребителей во многих странах в пользу экологически безупречных и эксклюзивных продуктов питания и предметов мебели, производимых индивидуальными предпринимателями. В ближайшей перспективе прогнозируется успешная диффузия зеленых и, в частности, циркуляционных технологий в SME во многих странах и регионах [30]. Впрочем, при оценке такого рода прогнозов следует учитывать заведомую сегментационную ограниченность развития рассматриваемого сектора.

Несомненно, цифровизация, софтизация индустриальных процессов и диффузия зеленых (циркуляционных) технологий обуславливают возможности кардинального расширения производства продуктов, предоставления рыночных и социальных услуг, а также потребления ресурсов в соответствии с императивами устойчивого развития. Это подтверждает разнообразный опыт. Например, касающийся применения блокчейн-технологии в финтех-секторе для обеспечения кибербезопасности как необходимого условия для стабильного развития значительной части торгового оборота [31]. Принципиально важно и то, что реализуемые в новой технологической среде корпоративные экосоциальные программы позволяют добиться позитивного финансового эффекта [32].

В то же время было бы неправомерным абсолютизировать эффект влияния технологических и сопутствующих организационно-производственных

сдвигов на экономическую и в целом социальную деятельность с позиции приближения к траектории устойчивого развития. Никакая технологическая перезагрузка не гарантирует сбалансированности пропорций выпуска и распределения, складывающихся в результате взаимодействий различных институтов и агентов/акторов сугубо в границах экономического и других полей социальных действий.

Также для системного решения проблемы сбалансированного и пропорционального устойчивого развития определенно не представляется панацеей расширение и качественное совершенствование «экосистемного» бизнеса в его нынешнем цифровом обрамлении. Как отмечалось ранее, ожидания повышения относительной значимости этого сектора в сравнении с крупным корпоративным и другими секторами представляются заведомо умеренными. Вместе с тем трудно поставить под сомнение существенный позитивный вклад в разрешение проблем устойчивости в самых разных секторах, который уже в настоящее время вносит ESB, функционирующий на принципах равноправия и транспарентности. Его рост однозначно способствует устойчивому прогрессу в самых разных секторах. Так, результаты деятельности крупных корпораций (таких, как Tencent, Microsoft и Amazon), которые теперь частично инкорпорируют в себя «экосистемные» бизнес-сети, во все большей степени соответствуют императивам устойчивости [33].

Следует признать: ограниченный потенциал корпоративного бизнеса и иного предпринимательства в достижении императивов УР призван быть восполнен за счет общественной регуляции. Его главными субъектами остаются гражданские организации и само государство, заглавная роль которого как системного регулятора по-прежнему остается неоспоримой.

Достижение SDG в части индикаторов производства и потребления ресурсов, развития социальных секторов и разрешения гуманитарных проблем невозможно без активного участия государственных агентств, как и негосударственных гражданских организаций. Так, практический опыт подтверждает ключевое значение государственно-частного партнерства в выполнении экологических и многих других проектов в области устойчивого развития.

Не в меньшей степени государственное вмешательство требуется для выполнения условий устойчивой сбалансированности пропорций выпуска и распределения. Принципиально важно, что стабилизационная монетарная и финансовая политика призвана быть дополнена долгосрочными политическими решениями, инициирующими благоприятные сдвиги в развитии экономических и социальных секторов в направлении достижения и дальнейшего поддержания SOST.

Также на государство в решающей мере ложится обязанность прилагать усилия по выполнению условия адаптации к неблагоприятным переменам в ходе SOST. Достаточно упомянуть о первостепенной значимости осуществления адекватной государственной политики для нейтрализации климатических шоков.

Наконец, трудно подвергнуть сомнению исключительную роль государства и его правомочных агентств в системной координации решений по обеспечению устойчивой общесоциальной трансформации. На национальном уровне результатом такого рода координации призвано стать соблюдение гарантии сохранения приемлемого уровня и качества жизни и в целом социального благополучия.

Все более усиливается потребность в разработке и выполнении национальных стратегий устойчивого развития [34]. Они обеспечат адекватное пространственно-временное позиционирование реально достижимых траекторий трансформационных изменений на макро-, секторном и региональном уровнях в направлении SDG.

В то же время активная и одновременно гибкая общественная регуляция в области устойчивого развития не должна препятствовать позитивным инициативным решениям рыночных и социальных предпринимателей. Существующий опыт экономической трансформации в значительном ряде стран свидетельствует в пользу следующего предположения. Действующие компании-лидеры в русле своей долгосрочной стратегии в состоянии добиться оптимальных финансовых и других рыночных результатов, совокупный эффект которых на системном уровне не будет нарушать приемлемые пропорции выпуска и распределения в соответствии с условиями устойчивого воспроизводства. Такая возможность может быть реализуема в случае осуществления адекватной макро-, структурной и региональной долгосрочной политики. Она призвана обеспечивать адаптацию к экзогенным переменам — технологическим, демографическим, климатическим, как и согласование корпоративных и иных предпринимательских стратегий с государственным стратегическим курсом в соответствии с принципом компромиссного равновесия (равновесия по Нэшу).

Следовательно, в ходе устойчивой трансформации отдельных секторов возникает возможность достижения их дополнительного роста в результате предполагаемых инициативных предпринимательских и сопутствующих потребительских решений. С целью его проектирования однозначно плодотворным выглядит обращение к субъектным поведенческим моделям (agent-based models). Следуя выполненным исследованиям [35, 36], применение этих моделей позволяет оценить эффект прироста конкретных рынков и социальных секторов, обусловленного улучшением индикаторов устойчивости (sustainability).

Таким образом, как следует из приведенной аргументации, применительно к отдельным странам представляется правомерным “двухэтажное” сферическое позиционирование SOST как процесса системных изменений [37]. Сначала он происходит в сфере стабильного национального развития, где роль государства и других акторов общественной регуляции является первостепенной. Только на этой основе могут состояться успешные системные преобразования в сфере ускоренного устойчивого развития,

в решающей мере обусловливаемого инициативной деятельностью лидирующих рыночных и нерыночных предпринимателей/акторов.

Резонно предположить: трансформационные перемены в направлении SOST будут в значительной мере сопряжены с эволюционными «разрывами» как перерывами постепенности (Рис. 1). Так, потребное кардинальное приближение к SDG во многих странах, главным образом благодаря общественной регуляции (на 1 этаже SOST), предполагает заведомо дискретные, спрессованные во времени структурные сдвиги. Такого же рода перемены будут, по всей видимости, продуцироваться усилившимися стабилизационными мерами в предстоящий период перехода к очередной «Новой Нормальности» [27], как и самой активной политикой сопротивления государства пандемии Ковид-19, ухудшению климата и т.д.

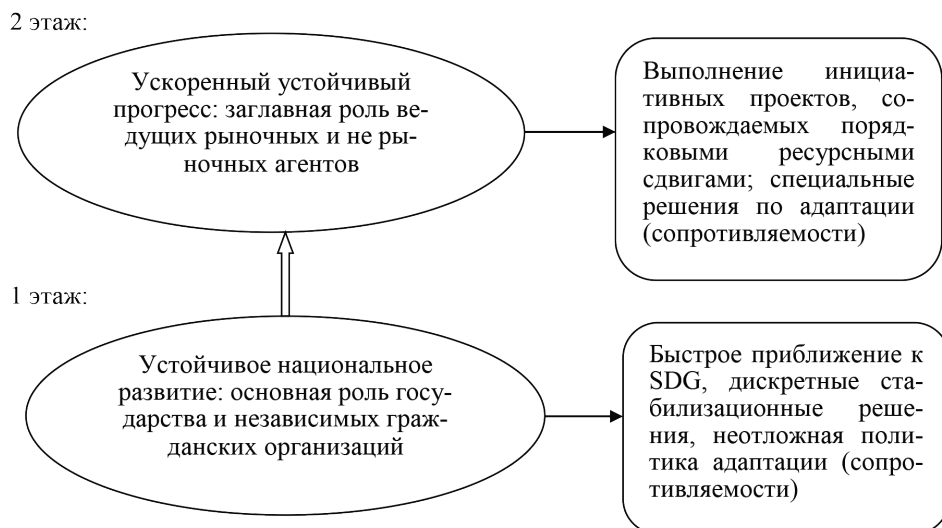

Рис. 1. Деятельность ключевых акторов (агентов) SOST на национальном уровне, связанная с неэволюционными переменами. Двухэтажное позиционирование.

Также вполне понятны ожидания неэволюционных изменений в случае реализации SOST на ее 2 «этаже». Как следует из недавних исследований [38], выполнение инициативных корпоративных и других предпринимательских проектов в области устойчивого развития влечет за собой дискретные, совсем неинкрементальные ресурсные, да и организационные перемены. Еще более существенно то, что усиливающаяся потребность в сопротивляемости к неустойчивым шокowym пертурбациям со стороны бизнес-лидеров будет выражаться в разнонаправленных и «разнознаковых» переменных: инкрементальных и дискретных, равномерных и неравномерных, далеко отличных от изменений эволюционного типа в его принятом понимании [27, 39].

Дискуссия и заключения. Рамочный дискуссионный вопрос касается предсказуемости ближайшего будущего. Пандемия Ковид-19 нанесла беспрецедентный ущерб всему человеческому социуму, поставив под сомнение его дальнейший прогресс. Как следствие, до сих пор широко распространено мнение о заведомой неопределенности будущего развития, характеризуемого превалированием хаотичных социальных изменений. С такой позицией нельзя согласиться. Есть весомые основания надеяться на восстановление позитивных тенденций мирового развития хотя бы в силу наблюдающегося оживления в рыночных и социальных секторах большинства индустриальных стран, западных и незападных.

К началу наступившего десятилетия сложились предпосылки к позитивным сдвигам на основных полях социальных действий. Они призваны проявиться в кардинальном ослаблении деструктивного фактора силы на мировой и национальных аренах, когда экономический и общесоциальный прогресс в большинстве стран будет достигаться главным образом за счет технологических инноваций, собственного производственного потенциала и располагаемого человеческого капитала. Тогда попутно возникнет возможность эффективной поддержки долгосрочного развития отстающих бедных стран.

В случае позитивного сценария мирового развития в будущем в передовых странах станет реальным переход к SOST [40], хотя и выполнимому не в полной мере вследствие вероятного сохранения высокой весомости внешних, глобальных и региональных, неустойчивых процессов. В этих странах достижение принятых императивов устойчивого развития по большинству направлений фактически имело место или вероятно произойдет наряду с обеспечением внутрисистемной сбалансированности (макро-, секторной, региональной).

Долгосрочному воспроизводству системной устойчивости в наибольшей мере соответствуют стабильные и плавные долгосрочные траектории трансформации на основных полях социальных действий. Их имманентная черта заключается в последовательно поступательном движении к достижимым рубежам, базируясь на выявленных возможностях. Тогда возможность приближения траекторий национального устойчивого развития к гипотетической эволюционной траектории, характеризуемой исключительно инкрементальными трансформационными изменениями, станет вполне реальной (это отражено на иллюстративном рисунке 2).

В то же время, исходя из существующих социальных реалий, достижение всеобъемлющего доминирования факторов эволюционного развития представляется иллюзорным. Во всяком случае, в рамках обозримой 10-летней перспективы. Так, вопреки идеалистическим прожектерским предсказаниям, распространение эволюционной траектории трансформации, отличающей развитие «экосистемного» бизнеса, в целом на высокотехнологичный сектор,

как и на другие сектора, вряд ли состоится. В первую очередь, по вполне понятной причине: такая системная метаморфоза явно не отвечает интересам господствующих элит и других страт на верхних этажах статусной пирамиды в большинстве современных стран. Кроме того, по-видимому, неплавные тренды ресурсных, как и институциональных, изменений, в частности, обусловленные реформированием предприятий с государственным участием, продолжатся в большинстве секторов.

Столь же резонно акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. При любых будущих тенденциях развития, даже самых благоприятных, значение эффективной адаптации — сопротивляемости субъектов УР к неустойчивым переменам — останется первостепенным. Все эти субъекты, включая корпоративный бизнес, ESB, государственные агентства, независимые гражданские организации, должны будут овладеть навыком такого рода адаптивного поведения. В этой связи представляется уместным обратиться к убедительно обоснованному выводу: чем богаче артефактная структура общества, тем выше вероятность того, что новые проблемы будут успешно решены [41].

Вероятно, повсеместное использование инструментов адаптации будет сопряжено с ресурсными, организационными и институциональными отклонениями от ранее сложившейся траектории SOST. В свою очередь, она будет, хотя и временно, отдаляться от гипотетической эволюционной траектории (Рис. 2).

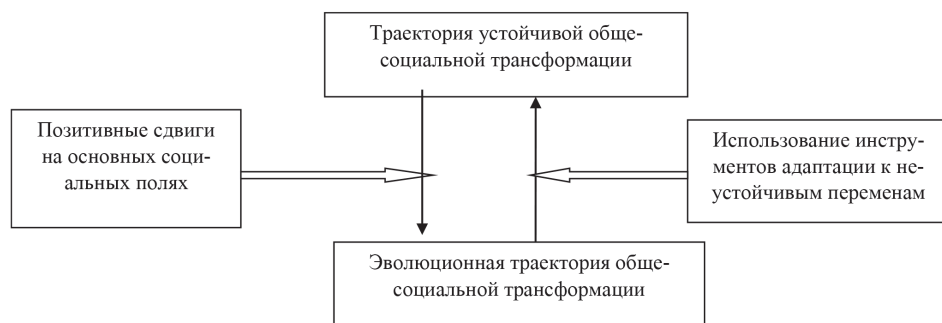

Рис. 2. Позиционирование траекторий устойчивой и эволюционной общесоциальной трансформации:

приближение (→) и отдаление (←)

Конечно, стоит оставаться реалистами. Было бы некорректно отвергать возможность неудачного выполнения позитивного сценария мирового развития и реализации взамен него альтернативных сценариев, стагнационного или негативного.

На фоне происходящих впечатляющих глобальных и других перемен стагнационный сценарий, проектируемый исходя из пролонгации тенденций прошлого десятилетия, следует рассматривать как маловероятный. Этот

сценарий сопряжен с неприемлемо слабым прогрессом в области устойчивого развития по большинству направлений. Можно предположить, что траектория общесоциальной трансформации будет временно близка к так называемой «тупиковой» эволюционной траектории (хрестоматийный пример – развитие бывшего СССР в 1970 гг.). Очевидно, она абсолютно расходится с траекторией устойчивой трансформации.

Гораздо более ожидаем негативный сценарий во всех его разнообразных версиях. Одна из этих версий предполагает кардинальное усиление геополитической конфронтации, которая вероятно выразится в международных военных конфликтах с применением оружия массового поражения (термоядерного, нейтронного, биологического и др.). В результате заведомо неэволюционные и притом неустойчивые сдвиги будут превалировать. Такого рода сдвиги неизбежно продолжатся в случае в дальнейшем возврата к нормальному развитию и, тем более, приближения заново к целевым ориентирам УР. Тем самым предполагаемая траектория общесоциального устойчивого развития будет длительное время заведомо далека от эволюционной.

Таким образом, и с учетом наличия пессимистических ожиданий, все сказанное не ставит под сомнение заключение: субстанциональное различие между устойчивостью и эволюцией будет весомо проявлять себя!

Литература

1. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации // М.: Академический проект. 2003.
2. Giddens A. A contemporary critique of historical materialism // Berkeley: University of California Press. V. 1. 1983.
3. Hodgson G. Conceptualizing Capitalism: Institutions, Evolution, Future // Chicago: University of Chicago Press. 2015.
4. Алчуан А. Неопределенность, эволюция и экономическая теория / Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса // М.: ГУ ВШЭ. 2006. С. 38–52.
5. Metcalfe J. Competition, Fisher's Principle and increasing returns in the selection process // Journal of Evolutionary Economics, 1994. 4 (4): 327–346.
6. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений // М.: ЗАО «Финстатинформ». 2000.
7. Moore J. Predators and prey: a new ecology of competition // Harvard business review. 1993. 71, 3: 75–86.
8. Moore J. The Death of Competition: Leadership & Strategy in the Age of Business Ecosystems // Harper Business. New York. 1996.
9. Adner R. Match your innovation strategy to your innovation ecosystem // Harvard Business Review. 2006. 84, 4: 98–107.
10. Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy // Journal of Management. 2017. 43, 1: 39–58.
11. Iansiti M., & Levien R. The Keystone Advantage: What the New Dynamics of Business Ecosystems Mean for Strategy, Innovation, and Sustainability // Harvard Business School Press: Boston. MA. 2004.
12. Pidun U., Reeves M., & Schüssler M. Why Do Most Business Ecosystems Fail? Available online: <https://www.bcg.com/publications/2020> (accessed on 22 June 2020).

13. *Sachs J.* The Age of Sustainable Development // New York: Columbia University Press. 2015.
14. *Giddings B., Hopwood B., & O'Brien G.* Environment, economy and society: fitting them together into sustainable development // Sustainable Development. 2002.10: 187–196.
15. *Fisher J., & Rucki K.* Re-conceptualizing the Science of Sustainability: A Dynamical Systems Approach to Understanding the Nexus of Conflict, Development and the Environment // Sustainable development. 2017. 25: 267–275.
16. *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune, G., & Fuller G.* Sustainable Development Report 2019 // New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network.
17. TWI2050 — the World in 2050. 2018. Transformations to Achieve the Sustainable Development Goals. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis.
18. TWI2050 — the World in 2050. 2019. The Digital Revolution and Sustainable Development: Opportunities and Challenges. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis.
19. WBGU — German Advisory Council on Global Change. 2019. Towards our Common Digital Future. Summary. Berlin: WBGU.
20. *Berkes F. & Folke C.* Linking Social and Ecological Systems: Management Practices and Social Mechanisms for Building Resilience // N.Y.: Cambridge University Press. 1998.
21. *Ostrom E.* A diagnostic approach for going beyond panaceas // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2007. 104, 39: 15181–15187.
22. *Partelow S.* A review of the social-ecological systems framework: applications, methods, modifications, and challenges // *Ecology and Society*, 2018. 23, 4: 36–44.
23. OECD. 2019. *Measuring Distance to the SDG Targets 2019: An Assessment of Where OECD Countries Stand*. Paris: OECD Publishing.
24. 2020 Comprehensive Review Proposals Submitted to the 51st session of the United Nations Statistical Commission for its consideration. 2020. United Nations. Available at: <https://unstats.un.org/sdgs/iaeg-sdgs/2020-comprev>
25. *Gallopín G.* Linkages between vulnerability, resilience and adaptive capacity // *Global Environmental Change*. 2006. 16: 293–303.
26. *Folke C.* Resilience (Republished) // *Ecology and Society*. 2016. 21, 4: 44–50.
27. OECD. 2020. Fostering economic resilience in a world of open and integrated markets. Available at: <https://www.oecd.org/newsroom/OECD-G7-Report>
28. *Acemoglu D., & Restrepo P.* Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets // *The Journal of Political Economy*. 2020. 128, 6: 2188–2244.
29. S&P Global. 2021. The Sustainability Yearbook 2021. Available at: <https://spglobal.com/yearbook>
30. *Gregurec I., Tomicic-Furjan M., & Tomicic-Pupek K.* The Impact of COVID-19 on Sustainable Business Models in SMEs // *Sustainability*, 2021.13, 1098.
31. *Fernandez-Vazquez S., Rosillo R., De La Fuente D., & Priore P.* Blockchain in FinTech: A Mapping Study // *Sustainability*, 2019. 11, 6366.
32. MGI. 2021. How companies capture the value of sustainability: Survey findings. Available at: <https://www.mckinsey.com> (accessed on 28 April 2021)
33. *Dietz M., Khan H., & Rab I.* How do companies create value from digital ecosystems? Available online: <https://www.mckinsey.com> (accessed on 7 August 2020)
34. *Martynov A.* Strategy of overall social development: the challenge of sustainability // *arts and social sciences journal*. 2021. 4, 2: 1–2. URL: <https://www.hilarispublisher.com/archive/assj-volume-12-issue-2-year-2021.html>
35. *Dawid H. & Gatti D.* Agent-based macroeconomics // Bielefeld working papers in Economics and Management. 2018. 2. DOI: 10.4119/unibi/2916999

36. *Dosi G. and Roventini A.* More is Different ... and Complex! The Case for Agent-Based Macroeconomics. LEM // Working paper series, 2019/01. 2019. URL: <https://ideas.repec.org/p/ssa/lemwps/2019-01.html>
37. *Мартынов А.* Устойчивая общесоциальная трансформация как путь к прогрессу // Общество и экономика. 2021. № 1. С. 100–125. URL: <https://oie.jes.su>
38. *Sadollah A., Nasir M. & Zong W.G.* Sustainability and Optimization: From Conceptual Fundamentals to Applications // Sustainability. 2020. 12, 2027.
39. *Beninger S., & Francis J.* N.P. Resources for Business Resilience in a Covid-19 World: A Community-Centric Approach // Business Horizons. 2021. Available online 24 February.
40. *Мартынов А.* Об идеологии будущего мирового прогресса // Общество и экономика. 2018. № 11. С. 5–24. URL: <https://oie.jes.su>
41. *North D., Wallis J., & Weingast B.* Violence and social orders // N.Y.: Cambridge University Press. 2009.

Arkady Martynov (e-mail: socpolamv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

EVOLUTION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT: WHAT'S THE DIFFERENCE?

The article is devoted to comparing the fundamental concepts of evolution and sustainable development. From a critical standpoint, the persisting notions of social and, in particular, economic evolution are analyzed. The author maintains that on the basis of a recognized integrative vision of the sustainability problem, it is advisable to extend this concept to the entire process of the systemic transformation of society. The fundamental properties of a universal social systemic transformation are revealed. As follows from the study, in the current period social changes will be largely associated with non-evolutionary changes. In conclusion the author sets forth his view of the substantial difference between the long-term sustainable and desirable evolutionary trajectories of social transformation.

Keywords: evolution, sustainability, resilience, corporate business, ecosystem business, state agencies.

DOI: 10.31857/S020736760017256-0